

АЛЕКСЕЙ
МАКЕЕВ

НА ПОЛШАГА ВПЕРЕДИ

СМЕРТИ

Алексей Макеев

На полшага впереди смерти

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Макеев А. В.

На полшага впереди смерти / А. В. Макеев — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-82182-2

В Москве бесследно исчезает бизнесмен Лев Гольдин. Полиция небезосновательно полагает, что он убит. Оперативник Капанадзе вначале подозревает его нынешнюю жену, затем бывшую, потом – деловых партнеров. Но никаких серьезных доказательств нет. Наконец удается задержать киллера по прозвищу Миша Стройбат, который сознался, что недавно получил заказ на убийство бизнесмена. Но признание наемного убийцы так и не раскрыло главной тайны. Киллер, оказывается, не смог выполнить заказ, так как «клиент» внезапно исчез. Так где же Гольдин? Ответ на этот вопрос ошеломил выдавшего виды сыщика...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82182-2

© Макеев А. В., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	33
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алексей Макеев
На полшага впереди смерти

© Рясной И., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Глава 1

«Они меня убьют. Они меня обязательно убьют». – Мысль эта из разряда противоземных, вызывающих панику и безысходность, сейчас становилась какой-то привычной. В обреченности есть своя прелесть.

Офис ООО «Альгамбра» давно опустел, лишь внизу скучали охранники, ждущие, когда же уедет хозяин и даст им расслабиться. Гольдин прошелся по своему просторному кабинету. Подошел к окну. Глянул на расстрелянный дробью валящего мокрого снега неуютный город, в котором ему больше нет места.

Он плеснул себе в серебряную рюмку немножко элитного коньяка «Хеннеси Парадиз Имperiал», всех тонкостей вкуса которого никогда не мог оценить по достоинству – на его взгляд, это обычная огненная вода.

По телу разлилось тепло, темной предательской волной накатила апатия. Захотелось все бросить, отдаться этому чувству обреченности и гордо пойти на дно... Нет! Так нельзя! Еще ничего не кончено.

Он напряженно посмотрел на тяжелый старомодный телефон на столе, пытаясь понять, станет ли он ему сегодня союзником или противником в борьбе за жизнь.

Да, так тяжело никогда не было. Хотя много чего было.

Звонок рабочего телефона прозвучал, как будто обрушился шкаф со старинным хрусталем – резко и разрушительно.

Гольдин вздрогнул. Рука замерла над телефонным аппаратом. А может, не стоит? Может, и так все будет хорошо?

Отринув сомнения, он взял трубку, вдавил клавишу и привычно произнес старорежимные, но ставшие его визитной карточкой слова:

– Гольдин у телефона.

– Ты готов?

Звучал голос человека, которому, как считал Гольдин, можно доверять. Ибо больше никому... Хотя, как учит жизнь, доверять нельзя никому. И может быть, сегодня придется еще раз убедиться в этом.

– Да, – кивнул Гольдин. – Я выхожу...

Глава 2

Капанадзе с уважением осмотрел полутораметровую зеленую трубу, лежащую в кузове грузовой «Газели». От нее исходила сила. Несмотря на простецкий вид, это был продукт высоких технологий. Гордость российского военно-промышленного комплекса. Переносной зенитно-ракетный комплекс «Игла-С», принятый на вооружение в 2002 году, – штука дорогая, смертоносная и крайне дефицитная.

Прапорщик и майор с подмосковной войсковой части заломили за эту смертельную игрушку немаленькую, но в целом вполне приемлемую цену. При перепродаже цена вырастет многократно, так что внакладе не останется никто.

– Хороша. – Прапорщик с любовью погладил трубу.

– Внушает, – кивнул Капанадзе.

– Прямо жаль расставаться.

– Так дома в сервант ее поставь...

Передача происходила на пустыре в ближнем Подмосковье. С одной стороны простирались глухие лесопосадки, заваленные мусором – отходами большого города. С другой – вдали маячили блоки ТЭС и жилые дома. Народу в этом занюханном месте и так шастает немного, а в такую дрянную погоду так и вообще можно не беспокоиться о чужих глазах.

– Что ж такой колотун сегодня. – Прапорщик поежился в своем зеленом форменном бушлате. – Конец марта же.

– Времена года сдвинулись, – заявил Капанадзе с такой авторитетной кавказской весомостью, с которой дети гор обычно вещают сомнительные истины. – Зима теперь приходит на месяц позже. Но и уходить не торопится.

– Вот верно, – обрадовался прапорщик, для чего-то хлопнув чопорного и высокомерно-строгого майора по плечу. – И чего только не узнаешь, поговорив с умным человеком.

Партнеры по нелегальному бизнесу были слегка напряжены, однако особой тревоги никто не испытывал. Ведь сделка была не первой, а уже третьей. Прошлые торги обогатили воров в военной форме на тридцать тысяч долларов, а Капанадзе стал счастливым обладателем нескольких автоматов Калашникова, «РПК», пистолетов Макарова, а также реактивных противотанковых гранатометов «РПГ-7».

– Дура солидная, «Боинг» сшибить можно. – Майор немножко приподнял «Иглу-С», которая весила почти двадцать кило. – Кстати, ты ничего такого не задумал?.. А то ведь терроризм припаяют.

– Ну, ты вовремя проснулся, – хмыкнул Капанадзе. – Раньше надо было думать.

– Но...

– Не бойся, пехтура, тебе ничего не грозит, – хищно улыбнулся покупатель. – А лишние вопросы, ну, ты понимаешь...

Майор покосился на покупателя. Он испытывал к этому мощному, немного заплывшему жиром, горбоносому субъекту, по виду чистому кавказскому воровскому авторитету, законное чувство опасения. Кроме того, грузин с его нахальством и бесшабашным напором ломал любые стереотипы поведения, с ним никак не удавалось надуть щеки, поскольку любая такая попытка превращалась в комедию в результате легкого ерничества, беззаботного глумления и едва скрытых угроз со стороны клиента. Но делать было нечего. Платежеспособные надежные деловые партнеры на дороге не валяются.

– Да я ничего, – пробубнил майор.

– А то быстро в асфальт закатаем, – хохотнул Капанадзе. – Давай, дальше показывай.

Из «Газели» силами деловитых представителей «военторга» были извлечены ящик с автоматами и диски с патронами.

Капанадзе осмотрел товар, остался доволен. Теперь надо только загрузить покупки в огромный синий внедорожник «Линкольн» и при этом умудриться впихнуть туда «Иглу».

– Не последний раз встречаемся, – с этими словами покупатель вручил майору, как старшему по званию, увесистый пакет с долларами.

Военвор, жадно облизнув губы, начал пересчитывать купюры, при этом пальцы его подрагивали от вожделения, как у подростка, впервые касающегося прекрасного женского тела. Капанадзе усмехнулся – ему было даже где-то приятно видеть осчастливленного им человека.

– Ну что, не обманул? – спросил покупатель, вытаскивая из ящика «АКМСУ» – укороченный автомат Калашникова со складным прикладом.

– Чисто, – кивнул майор, снова придав себе важный вид. – Тут у нас еще завалилось кое-чего...

– Негоже кое-чему валяться без дела. Обозначь. – Капанадзе прищелкнул к автомату заправленный патронами магазин.

– Ты поосторожнее, – напрягся майор.

– Да не дрейфь, надо же товар осмотреть. – Капанадзе прицелился в сторону одиноко стоящей сосны.

– Ну, значит, там у нас есть ящик с «ГТ», нормальными такими, с длительного хранения, в заводской упаковке...

И тут начался боевик!

За кустами и деревьями замелькали фигуры. Откуда-то как по волшебству возник черный микроавтобус с тонированными стеклами, из которого посыпались бойцы в пятнистом полицейском камуфляже.

– Полиция! – прогремел усиленный мегафоном глас небесный. – На землю! Бросить оружие! Или бьем на поражение!

Прапорщик сразу упал на перемешанную с мокрым снегом землю, положив руки на затылок – сработал отлично развитый у него инстинкт самосохранения. Майор начал изумленно озираться.

А Капанадзе выпустил очередь в сторону полицейского фургона и ринулся прочь.

Перепрыгнул через кучу мусора. Выдал еще очередь. И понесся вниз по оврагу, уходящему вниз сразу за линией кустарника.

Сзади забарабанили выстрелы. Это очень неприятное ощущение, когда рядом с тобой пули режут воздух, как нож бумагу.

Но впереди была свобода.

Беглец не переломал ноги, не свернул шею. Умудрился целым и невредимым достичь дна оврага. Проломился через кусты. Потом его вынесло на проселочную дорогу. За ней шла густая лесополоса, справа – заборы.

Навстречу попала стайка таджиков, испуганно растворившаяся при виде человека с укороченным автоматом Калашникова.

Капанадзе остановился. Прислонился к дереву. Присел на корточки, расстегнул модное пальто и распустил шарф. Перевел дух. Сердце ухало в груди, как бешеное. Все-таки возраст сорок два года, да еще лишние двадцать килограммов веса. Староват уже для таких приключений и прыжков.

Он погладил пальцами затвор автомата.

– Ничего, – прошептал он. – Зато весело.

Поднялся. И побрел к месту встречи.

На обочине проселочной дороги стоял красный «Форд Фокус» с мятым левым крылом.

Капанадзе распахнул дверцу машины. Бросил автомат на заднее сиденье и с ходу предложил:

– Фарид, может, ствол себе оставим? Хороший ствол. Качественный. Еще из советских, с длительного хранения.

– Ты чего, Серега, опух? Чтоб прямо на суде выплыло, что еще один ствол был и исчез, – возмутился сидящий за рулем начальник оружейного отдела МУРа Фарид Зейналов.

– А как же законные трофеи? Трофеи на войне святое.

– Ага. Еще три дня на разграбление города и право насиловать туземок.

– Это как-то слишком радикально.

– Кончай зубоскалить. Благодарность трудового народа тебе – и достаточно... Ладно, поехали. Тебе рапорт отписать и на боковую. А мне всю ночь клиентов по изоляторам развозить и следователя пинать.

– Зато я герой.

– А я канцелярская крыса. – Зейналов вдавил педаль газа.

Добравшись до родной Петровки, 38, Капанадзе провозился там с делами до часу ночи. Отписал рапорт. Проконтролировал, чтобы на Петровку перегнали «Линкольн» – эту машину оперативники изъяли у бандитов полгода назад, хозяев ее не нашлось, поэтому она в нарушение всех правил и законов использовалась в оперативных комбинациях, а также для всяких понтов и пускания пыли в глаза.

Дома Капанадзе был в полвторого ночи – хорошо еще до профессорской четырехкомнатной квартиры рядом с Сухаревской площадью от Петровки рукой подать.

На кухне горел свет. Леонид, сынуля – студент второго курса иныза, спал сном младенца. Дочка Полина, завернувшись в длинный восточный халат, читала на кухне, попивая какой-то хитрый восточный чай для стройности фигуры. Она пошла в мать и деда – училась на первом курсе МИФИ и мечтала строить новый адронный коллайдер в Обнинске.

– О, папка вернулся, – обрадовалась она. – С боев местного значения.

– Точно, – устало кивнул Капанадзе, целуя дочку в лоб. – Чего не спишь? Завтра в институт. А то выгонят с первого курса.

– Не выгонят. Я там самая умная.

– Умные спят давно.

Она с сомнением посмотрела на него – мол, сам-то.

– А дураки воюют, – ответил он на ее немой вопрос.

Капанадзе сжевал без аппетита пару бутербродов, которые ему по быстрому соорудила дочурка. Узнал, что «мама звонила из этого ее Сингапура, а Пашка опять спит в обнимку с айпадом». После чего завалился в кровать.

Глаза слипались сами собой, что и неудивительно. Только что он успешно завершил многоходовую операцию внедрения. Любое внедрение в преступную среду – это всегда всепоглощающий азарт и дикий стресс. Это бурлящая кровь, пьянящий вкус победы, а иногда горечь и отчаяние поражения. И всегда после этого откат в виде апатии и нежелания шевелиться.

Капанадзе готов был валяться сутки напролет без движения. Но в три часа ночи зазвонил мобильный телефон.

– Здрав будь, боярин, – послышался голос Ромы, старого приятеля, мелкого бизнесмена и добросовестного информатора.

– Ромочка, тебе часы подарить? Ночь на дворе. В асфальт закатаю!

Но Роман, не обращая внимания на угрожающий тон, с дрожью в голосе изрек:

– Слышал, Мопс пропал.

– Кто?

– Мопс. Лева Гольдин...

– Какой Гольдин?

– Ты с дуба рухнул? Это величина!

– И что?

– А то... Теперь такое начнется...

Глава 3

Если провести аналогию с исправительно-трудовой системой, то офисы, в которых отбывает срок значительная часть российского населения, можно разделить по режимам содержания – особый, строгий, офис-поселение и исправительные работы. При этом режим зависит как от традиций, принятых в компании, так и индивидуально от руководителей и хозяев заведения.

Офис ТОО «Альгамбра» относился к строгому режиму. От сотрудников требовали неукоснительного соблюдения кучи правил, дресс-кода, очень приветствовались сверхурочные, но неоплачиваемые работы. Хозяин этой шараги Лев Георгиевич Гольдин, которого в узких кругах больше знали по кличке Мопс, был по-немецки пунктуален и занудно требователен – считал, что если исправно не пинать подчиненных, в благодарность они или не будут ничего делать, или, что гораздо хуже, подставят его на деньги. А последнее в числе злодейских деяний стояло гораздо выше ядерной бомбардировки Хиросимы и тотального геноцида в Кампучии. Сам он в обязательном порядке из года в год за пятнадцать минут до начала рабочего дня и в среднем полчаса после окончания врал в свое огромное начальственное кожаное кресло, в котором выглядел мелким гномом. Где он проводил сам рабочий день – уже не так важно, в основном шатался по городу с личным водителем, донимая его указаниями – куда ехать и как рулить. Но ритуал начала и окончания работы соблюдался строго – подчиненные должны были утром предстать пред его очами, а вечером не просто уйти по окончании рабочего дня, а слезно отпроситься. При этом уход с работы подчиненного сопровождался печальным:

– Ну если вы считаете, что уже все сделали...

Мопс обожал накрутки, накачки подчиненных, нервную атмосферу вокруг себя, любил понукать людей и вежливо унижать: «Милый друг, вы же ничего не умеете. С такой квалификацией вы просто умрете с голоду». Но больше всего он ценил в жизни, когда на счет капали деньги.

Двадцать шестого марта Мопс в офис не появился. А это бывало с ним не часто. Однако все же случалось, так что волноваться было рановато.

Не появился он и в ресторане «Император» в центре Москвы, где должно было состояться путем совместного распития спиртных напитков укрепление делового сотрудничества с новыми клиентами, с которыми у них было на будущее планов громадье. Эта пьянка могла стать залогом больших финансовых побед, что у Мопса в списке добрых деяний стояло гораздо выше строительства храмов, приютов и борьбы с лихорадкой Эбола. И чтобы он манкировал таким мероприятием – такого не случалось. И это уже был тревожный звоночек.

На следующий день, когда Мопс так и не возник на горизонте, неразлучная парочка его компаньонов, известных как Болек и Лелик (по аналогии с героями известного польского мультфильма), отправилась на квартиру на Остоженке.

Жена пропавшего, ослепительная Маргарита Гольдина встретила гостей нервно и недружелюбно. С долей презрения осмотрев двух кругленьких колобков, она объявила, что кобель загулял. Аргумент был весомый, поскольку гулять пропавший любил, в среднем раз в год у него срывало башню, и он прочно зависал с очередной дамой сердца.

Все мобильные телефоны Мопса были отключены. Сам он никому не звонил. Так что еще через три дня жена была вынуждена отнести заявление об исчезновении в местный отдел полиции.

Опергруппа, как положено по приказу № 213 МВД России, определяющем порядок розыска без вести пропавших и скрывшихся от следствия и суда, выехала по адресу проживания, провела осмотр места происшествия.

Ни Мопса, ни фрагментов его тела, ни капле крови дотошные следователь и эксперт не обнаружили.

Были направлены запросы в больницы, морги, бюро несчастных случаев, но они ничего не дали.

Жена пропавшего в служебных полицейских кабинетах тщетно изображала из себя несчастную страдальницу, печальщуюся об исчезновении родного человека, – актриса она была средненькая, хоть и старательная.

Через некоторое время, когда стало понятно, что сам Мопс не объявится, следственный отдел Следственного комитета России по району Хамовники возбудил уголовное дело по статье 105 Уголовного кодекса Российской Федерации – умышленное убийство.

На следующий день в офис «Альгамбры» заявила еще не растерявшая фотомодельного лоска госпожа Гольдина. Высокая, стройная, с густой гривой ухоженных черных волос – за ней тянулся такой шлейф сексуальных флюидов, что у существ мужского пола невольно перехватывало дыхание и глаза становились туповато покорными.

Бросив изящно на руки охраннику у дверей полушубок из серебристой норки, она устремилась в директорский кабинет, где Болек и Лелик лихорадочно копались в документации, облизываясь на двухметровый сейф в углу, от которого у них не было ключа.

– О, Маргариточка, – всплеснул пухленькими руками Лелик. – Здравствуй.

– Привет, мальчики... – Она пренебрежительно посмотрела на сидящую в углу пожилую гримзу-секретаршу – с некоторого времени молодых секретарш Мопс не жаловал – и добавила: – ...и девочки.

– Тебе чего здесь? – недружелюбно осведомился Болек, вызывающе положив руки на огромный пивной живот. – В спа-салоне выходной? Или бутики закрылись на переучет?

– Чего копаетесь? Документики для Танюши ищете? – В ее голосе было столько яда, что его можно было бы собирать на медицинские цели.

– Маргариточка, ну что ты, право, – затараторил Лелик. – При чем здесь Танюша?

– При том, что эта чучундра при всем, – скривилась Маргарита – она всегда кривилась, как от зубной боли, при всяком упоминании имени первой жены своего благоверного.

– Мы просто пытаемся держать дела в порядке, пока не появится Левочка.

– Леня, ты же знаешь, что он не появится.

– Ну что за пессимизм, Маргариточка?

– А вот сердце чует, – хлопнула она себя по объемной модельной груди.

– Чует она, – саркастически хмыкнул Болек. – А может, наверняка знаешь? А может, ты его и...

– Так вот, мальчики, – перебила его Маргарита, голос стал ледяным. – Согласно уставу, я беру руководство фирмой на себя.

– Да ты... – подался к ней Болек. – Ты хоть дебет от дебила отличишь, руководительница?

– Тебя, малыш, я всегда отличу от дебета, – не осталась в долгу Гольдина и крикнула: – Владимир, прошу вас.

Тяжелой походкой командора в кабинет зашел элитный бугай под два метра ростом с выражением сытой невозмутимости и врожденной наглости на лице. Эдакий мачо с зачесанными назад длинными волосами, в приталенном черном пальто, белом шарфе и ботинках за тысячу долларов. Брезгливо поджав губу, он обвел глазами кабинет, небрежно мазнул взором по присутствующим, как по предметам мебели, которым давно пора на свалку.

– Владимир будет моим представителем и временно исполняет обязанности управляющего, – сообщила Маргарита.

– Вот этот... – Болек аж задохнулся от возмущения.

Пришедший прищурился, подошел к воинственному, но обделенному физическими кондициями бизнесмену, глянул на него презрительно сверху вниз и негромко произнес:

– Закройся, недомерок...

Глава 4

Миша Стройбат пребывал в состоянии глухой озлобленности, что для него было скорее нормой, чем исключением. С детства плескавшаяся в сознании мутная злоба была неотъемлемой частью его натуры, другим он себя не помнил. Только к ней сейчас прибавились еще раздражение и тревога. И тревожиться было с чего. В последнее время все шло через пень-колоду.

Посредник назначил встречу на квартире, где они встречались уже почти год. Тесный однокомнатный клоповник располагался на окраине города за кольцевой дорогой в готовящейся под снос ветхой пятиэтажке. На лестничной площадке имелась еще одна не выселенная квартира, но в данный момент она пустовала – неделю назад соседей свезли в дурдом на почве запущенной белой горячки.

Из мебели в комнате имелись стол, три стула, растрескавшийся буфет времен первых пятилеток и такой же древний платяной шкаф.

На этой конспиративной квартире, как ее пафосно именовал посредник, они встречались только вдвоем – обсудить новый заказ, передать аванс или окончательную оплату.

Стройбат докурил сигарету, бросил прямо на покрытый линолеумом пол и со смаком раздавил ее каблуком. Вот так бы давил всех и давил. Даже забесплатно. И начал бы со слизняка, который назначает встречи у черта на куличках и не имеет привычки приходить вовремя.

Он поднялся, прошелся по комнате, остановился напротив буфета со старым зеркалом. Из его мутной стеклянной зеленоватой глубины смотрел широкоплечий до квадратности, широколицый, почти лысый мужчина средних лет с красным обветренным лицом, покатым лбом и выступающей челюстью в стиле «питекантроп вульгарис». Руки длинные, загребущие, с непропорционально широкими ладонями молотобойца. Благодаря этим рукам жизнь у Стройбата состоялась, и он имел то, о чем когда-то не смел даже мечтать, – дорогую машину, баксы пачками, а не отдельными жалкими бумажками, модельного вида девок, готовых на все. Потому что эти руки с одинаковой ловкостью могли придушить клиента или точно навести ствол снайперской винтовки. Он заслуженный киллер, гроза денежных мешков, бандитов или просто тех, кому не повезло попасть в список стола заказов. Киллер – это круто. Это доходно... Иногда это опасно. Но опасно для лохов, а к ним Стройбат никогда себя не причислял. Лохи, работающие по этой редкой специальности, быстро упокаиваются в земле. А он жив и здоров. И на тот свет не собирается. Скорее он весь этот земной шар похоронит.

– Что, не нравлюсь, падлы, – прошептал он, имея в виду все человечество. – А я вас всех имел...

Стройбат криво улыбнулся, присел за стол, вытянул из пачки новую сигарету. Курил он только «Мальборо» – это было курево-мечта его молодости, тогда такое могли позволить себе только фарцовщики, а он все больше докуривал бычки, в лучшем случае смолил сигаретами «Лайка». И сегодня, затягиваясь дорогими сигаретами, он будто втягивал и выдыхал с дымом горечь нищеты и никчемности тех лет.

Заскрежетал замок входной двери, и в комнату вошел посредник – невысокий, полный, седой мужчина простецкого вида, напоминавший колхозного счетовода. Такой дурачок с виду, только глаза маленькие, прозрачные и неприятно отстраненные. Стройбату сильно не нравились его глаза. Ему понравилось бы их притушить. Может, когда-нибудь он так и поступит. Когда разочаруется в своем сотрудничестве с братвой и решит сделать ноги. Тогда и загасит эти мерзкие глазенки. Ибо не хрен...

– Здорово, Мишаня, – поприветствовал посредник, которого его подчиненная братва величала Питоном за холодный бездушный взгляд.

– Здоровей видали, – буркнул Стройбат. – Тебя хрен дождешься.

– Дела государственной важности, – хмыкнул Питон, склонный к канцеляризмам. – Закурить дашь?

Стройбату, к губе которого прилепилась сигарета, хотелось сказать с вызовом что-нибудь типа «не курю», но с Питоном так не разговаривают. Питон в бригаде авторитет. И что у него в голове, какой жестокий фокус он может выкинуть – одному черту известно. Он бывает непредсказуем, в чем киллер убеждался не раз.

Стройбат с неохотой вытащил «Мальборо», протянул сигарету своему работодателю. И осведомился:

– Чего звал?

– Хвоста за собой не приметил?

– Что? – опешил Стройбат. – С какого такого бодуна?

– Ты проверялся, прежде чем сюда заявиться? – гнул свое Питон.

Скорее всего, он когда-то работал в одной из спецслужб и теперь с нудной настойчивостью сельского учителя вдалбливал в голову Стройбата основы конспирации. И это было совершенно лишнее, поскольку киллер сам не лыком шит, да и с правоохранительной системой тоже был связан, правда, с другой стороны – был неоднократно судим за мелкие прегрешения. Мелкие – это по сравнению с тем, что ему довелось наворотить после последней отсидки, когда он вышел в люди.

– Не учи ученого, ибо не хрен... Кто за мной может топтать? От кого прятаться?

– От всего мира, Мишаня. Мир жесток и хочет нас пожрать. – Питон любил дешевые сентенции.

Стройбат, ненавидевший пустопорожние разглагольствования, отрезал:

– Похрен. Задолбаются пыль глотать, суки.

– Это ты про кого?

– Про всех. Ибо не хрен.

– А, тогда понятно... Ты хоть не на машине приехал?

– Чего спрашивать ерунду? Я на встречи на своих двоих хожу... Чего-то ты мутный сегодня, Питон. Что за кипиш?

– Есть обстоятельства и опасения... Косяк за тобой, сам знаешь, Мишенька, по последнему заказу.

– Так же, как и за тобой. Надо точно наводку давать, а не сопли жевать. Оба лоханулись.

– Но заказчик на тебя стрелки решил перевести.

– Что за на хрен? – возмутился Стройбат, которому разговор нравился все меньше. – Это ты меня крайним решил сделать? Косяки общие, а ответ мне одному держать?

Раздражение и злость колыхнулись мутной жижей, и к горлу подкатил твердый комок. Возникло почти непреодолимое желание схватить Питона за горло, разорвать ему рот, чтобы кровь хлынула рекой, а потом бить, бить, бить...

– Если бы решил, сдал бы, – резонно возразил Питон. – Ты нам нужен, Миша. Живой, здоровый, готовый к труду и обороне. Поэтому по-дружески советую – вали из Москвы. Ненадолго, пока мы со всеми предъявами по твоему последнему сольному выходу не разберемся.

Стройбат сжал кулаки, прикрыл глаза, и комок отступил от горла. Глубоко вздохнул. Расслабился. Поймал на себе очень внимательный, напряженный, изучающий холодный взгляд собеседника.

– Нужен, значит, – улыбнулся недобро Стройбат. – Ну, спасибо, брат, что пику в бок не вогнал.

– Мы еще поработаем... Мишань, давно хотел спросить: а тебе кого-нибудь было жалко?

– Чего? – удивился Стройбат. – С хрена ли?

– Все же кровушка человечья не водица, ее лить тяжело.

– А чего они? Козлы все. Стобаксовыми купюрами прикуривают, на «Бентли» рассекают, а мне их жалеть? Меня кто когда жалел? И хрен с ними со всеми, покойничками... Ибо не хрен.

– И похрен. – Питон хохотнул, но как-то жестянно, натужно. Он словно выпал из разговора, задумавшись о чем-то другом.

– А чего, сам-то не такой?

– Нет, – покачал головой Питон. – Может, хуже. Но не такой.

– Психология, однако, – хмыкнул Стройбат. – Вопрос на засыпку, Питон, – на какие гроши мне из Москвы валить?

– Что, закрома истощились? Быстро ты бабки спускаешь. Профессионально.

– Кубышку на черный день не откладываю. Да и дольняшку с общака честно заработал. Право имею!

– Имеешь, – неожиданно покладисто согласился Питон. – Тогда двигаем сейчас до точки, выпишу тебе материальную помощь. И документы на месте ребята тебе выправят.

– Хрен там. Назначай новое место встречи, я подъеду.

– Не доверяешь? – искренне удивился Питон. – Мне?

– А ты как думал?

– Я предполагал, что ты чудить начнешь, и кое-какую цифру для тебя взял. – Посредник положил на стол портфель. – Но ксиву тебе новую все равно придется выправлять, фотографироваться. Со старыми документами спалишься. Ребята тебя серьезные ищут.

– В городе передашь.

– Столько от тебя забот, Мишаня, даже не представляешь. – Питон открыл портфель. Запустил туда руку. И резко выдернул ее.

Ствол был какой-то гомосячий, маленький, нормальные пацаны такими не пользуются. Но зато с аккуратненьким глушителем.

Стройбат понял, что этот ствол для него и сейчас Питон будет стрелять. Без лишних уговоров и разговоров.

Впрочем, то, что ему выписали черную метку, киллер понял за миг до того, как увидел пистолет. В голосе посредника звякнуло что-то едва уловимое – будто у него вначале еще были сомнения, мочить или нет старого кореша, но этот разговор решил все. И Питон с легкостью подписал смертный приговор человеку, который горбатился на него долгих три года.

К такому повороту событий Стройбат оказался готов. Как только палец посредника заскользил по спусковому крючку, киллер резким рывком опрокинул на своего противника стол. Послышался негромкий хлопок – как будто лопнул надутый целлофановый пакет. Пуля ушла вверх и снайперски расколола болтающуюся на проводе под потолком лампочку.

Питон распластался на полу. Попробовал приподняться и выстрелить еще раз. Но Стройбат ударил его ногой и наступил на руку с пистолетом. Потом склонился над противником. Блеснуло выкидное лезвие ножа – жить посреднику оставалась пара секунд, не больше. Стройбат не собирался вести дискуссии за жизнь и с пафосом вопрошать – зачем ты меня предал, иуда? Точный удар лезвием в горло – и все счета обнулены, все отношения прерваны, до встречи на том свете.

С грохотом вылетела входная дверь. И тут же в помещении стало очень тесно. Комната стала напоминать хлев, пространство которого полностью заполняют две бычьи туши – это были вышибалы из бригады, в которой верховодил Питон. Огромные, тупые торпеды без разума и сомнений, в любой момент по команде «фас» готовые рвать врагов хозяина в клочья, бросились в бой.

– На пол, сука! – заорал первым влетевший в комнату вышибала, вскидывая пистолет Макарова.

«Черт, Питона страховали!» – мелькнула в голове Стройбата быстрая мысль. А тело действовало само собой, его движения опережали полет мысли.

Киллер ринулся к окну.

Баххх – оглушительно ударил гром, но не из тучи, а из вороненого ствола. Бахх – еще один выстрел.

Стройбат ощутил тупой удар в плечо. Выставил вперед локоть и всем телом впечатался в окно. Звон стекла, грохот. Эх, только бы не пропороть осколками лицо и шею.

Второй этаж. Высоко, черт возьми! А Стройбат никак не был акробатом. Земля болезненно ударила по ногам. Он упал и зарылся лицом в колючие кусты, росшие прямо под окном. Коленом приложился очень больно, но не время распускать нюни. Надо бороться за жизнь! Он тут же вскочил. И увидел перед собой еще одного отъевшегося быка-производителя, в бригаде его именовали Тормозом – он действительно туго соображал, поэтому его всегда использовали на страховке.

Тормоз выпучил глаза и с каким-то утробным хрюканьем попытался выдернуть из-под мышки пистолет «ТТ». Ему это даже удалось. Но передернуть затвор он не успел. Стройбат уже был на ногах. Сжимая в руке нож, который так и не выпустил при прыжке, он резким броском преодолел разделявшее их расстояние. И в очередной раз подтвердил истину – хороший нож в ближнем бою не хуже пистолета.

Не сбавляя скорости, Стройбат сместился влево и прочертил острым, как бритва, лезвием лоб своего противника. Кровь сразу потоком хлынула из раны и залила глаза. Боль была дикая, Тормоз завизжал, как свинья, выронил пистолет и схватился за лицо. Все, теперь он больше не боец и его можно оставить за спиной.

В стороне заурчал мотор, и несшийся вперед на всех парах Стройбат краем глаза заметил, как из глубины двора тронулась машина.

Да, уважает Мишу Стройбата братва, если добрая половина банды примчалась его глушить.

Киллер ринулся вперед, в сторону кирпичных приземистых гаражей.

Сзади забарабанили выстрелы. Послышался истошный крик:

– Стой, Стройбат! Не тронем!

Как же! Не тронут... А ведь правду говорят. Здесь не тронут. А будет подвал. Хорошо знакомый подвал в полуразвалившемся доме рядом с подмосковной Щербинкой. Страшное место.

Опять гроыхнул выстрел. Снова киллеру что-то кричали вслед. Но он не слушал. Вся эта какофония только придавала ему ускорение. Стройбат рвал жилы так, как никогда не рвал их раньше.

Он несся вперед. Перепрыгивал через сугробы, кусты, какие-то бетонные плиты и кирпичи. Падал, разбивая колени. Снова вскакивал. И думал лишь об одном – как бы не потерять сознание. Левая рука его онемела – предплечье задело пулей. Пришла пульсирующая боль, мир поплыл перед глазами. Дыхание сбивалось, сердце грозило лопнуть. Но это были не поводы сбавлять темп.

Вперед. Не оглядываться. Только вперед. Стройбат чувствовал себя как окруженный загонщиками волк. Как кабан на мушке у охотников. Да хотя бы как кролик. Лишь бы остаться жить. А там посмотрим еще. Ибо не хрен!

Глава 5

Москва недаром называется Третьим Римом. Многие традиции Римской Империи сохранились именно у русских. Например, общаться и решать важные вопросы в термах, то бишь в банях.

Сегодня баня – это и комната для переговоров, и конференц-зал, и исповедальня, и питейное заведение. По количеству заключенных соглашений, сделок и договоров баня в легкую заруливает в минуса офисы, отели, банкеты и фуршеты. Россия-матушка. Пар размягчает огрубевшие души и вытапливает жир из заплывших холестерином мозгов.

Вот и сейчас собравшиеся в отделанном эксклюзивным итальянским кафелем, с вычурными архитектурными излишествами просторном предбаннике люди думали думу о делах жизненно важных. А именно – как обустроить Россию без Мопса.

– Блин, сколько бабла мимо. Все на него было завязано. А счета. А контракты, – загибал пальцы Лелик, время от времени прикладываясь к кружке с английским элем – ничего другого он не признавал.

За длинным дощатым столом с резными ножками собралась примечательная компания. Лелик и Болек, давние боевые товарищи канувшего в неизвестность бизнесмена. Высокий, худощавый, жилистый, с породистым длинным лицом, изрезанным глубокими морщинками, Григорий Рубакин, в прошлом авторитетный бандит, а по совместительству старый и достаточно близкий друг Мопса. Также там были другие заинтересованные лица паразитического сословия – генеральский чин из Генпрокуратуры, сотрудник таможни. Важнее и бестолковее всех выглядел депутат от правящей партии, горделиво завернутый в полотенце, как в римскую тогу, и служащий иллюстрацией к известному анекдоту про то, как Петька листал книгу и обращался за консультациями к Чапаеву:

– Василь Иванович, смотри, что пишут. Патриции занимались в термах пирами и оргиями. Что такое термы?

– Банька, Петька.

– А пиры?

– Ну это пьянка.

– А оргии?

– Это когда по бабам.

– А патриции кто такие?

– Это опечатка. То партийцы.

Вот один такой правящий партиец, грудью отстаивающий интересы избирателей, а именно Мопса и его приближенных, общался сейчас с народом – хоть табличку на баню вешай «депутатская приемная».

Собравшиеся сжимали крепко в своих руках кружки в модном ныне стиле «а ля советикус» – такие были в пивных заведениях СССР и потому вызывали у гостей, выросших в те благостные времена, острое чувство ностальгии. Ну а содержимое кружек – это уже дело другое. Напитки были изысканные, на разборчивый вкус каждого – кому эль, а кому чешское пиво да баварское, но только не российского мутного розлива, а прямо с родных пивоварен.

Закуска тоже не подкачала. Рыбка, икорка красная и черная, нарезки из роскошного окорока, твердых французских сыров. Эдакий знаковый «хамон-пармезан» – все как в приличных домах, где собираются со вкусом, от пуза, по-свински пожрать и надраться до поросячьего визга.

Всех собравшихся в элитной бане на Кутузовском проспекте объединяло одно – они кормились за счет Мопса.

Кличка к пропавшему коммерсанту прилипла из-за его выразительной внешности – он поразительно походил на эту собаку. Невысокий, коренастый, с приплюснутым носом, поросший короткой шерстью, больше похожей на щетину, а не на волосы, его немножко выпученные глаза были полны вечной скорби еврейского народа. Конечно, когда-то давно эта кличка его дико нервировала, но постепенно он сросся с ней настолько, что не каждый человек знал, кто такой Гольдин, но Мопса знали все деловые люди.

Нагрузились присутствующие уже прилично, пиво было умело подлакировано более крепкими напитками, вследствие чего бурным селевым потоком хлынули эмоции.

– Столько бабла накрывается, – жалобно причитал Лелик, сжимая кружку, как последнюю гранату.

– Тебе все бабло да бабло, – укоризненно произнес Болек. – Друг пропал. А ты только о деньгах.

– Вот именно. Пропал друг с деньгами. О нем и думаю.

– Ну Лелик...

– Чего Лелик?! У меня семья, дети. Это ты птица вольная, разведенная. А у меня обязанности перед близкими...

Лелик жадно отхлебнул эль, и его затуманенный возлияниями взор сфокусировался на Рубакине:

– Гришенька, ты у нас главный преступный авторитет, что очень почетно. Может, ответишь мне, наивному, на один м-а-аленький вопрос.

– На какой?

– Где Мопс?!!

– Понятия не имею, – пожал плечами бывший бандит, а ныне президент компании со странным названием «Ортодокс». – Возможны варианты. Я их сейчас пробиваю.

– Он хоть жив, собака страшная? – всхлипнул Лелик.

– Возможно. Но маловероятно.

– Значит, его грохнули. – Лелик обиженно посмотрел на опустевшую кружку, схватил две бутылки эля, наполнил из них кружку, сделал глубокий глоток. – И куда теперь нам, неприкаянным, податься? Что с его шлюхой делать?

При этих словах лицо Лелика перекосила гримаса. Он до сих пор находился под впечатлением от визита начинающей вдовы в офис «Альгамбры».

– А что ты с ней сделаешь? – пожал плечами Рубакин.

– Да эта мразь его и убила! – встрял воинственный Болек. – К бабушке не ходи... А ментовка не мычит и не телится.

– Полиция вообще не работает, – со знанием дела подтвердил прокурор. – Гнать их всех в шею давно пора.

– Пальч, ты же генерал, ну скажи им, чтобы эту тварь посадили, – вцепился в прокурора Болек. – Пусть работают полицаи – чтоб до седьмого пота. До кровавых мозолей. Чтобы изобличили ее!

– Э, Борис, ты что, хочешь, чтобы полицаи рылись в наших документах?! – завопил Лелик, со стуком поставив кружку на стол и расплескав содержимое.

– Да если с Маргаритой вопрос не решить, мы останемся вообще не при делах. Она перетянет на себя все активы, – резонно заметил Болек.

– Гришенька. Ты же большой авторитет. Может, ее в подвал как-нибудь, паяльничком подработать, чтобы рассказала, куда мужа закопала, – мечтательно произнес обычно миролюбивый соглашатель и примиритель Лелик. – Ну или на крайняк ее того...

Прокурор, хватанув рюмку виски, крякнул от удовольствия и важно кивнул – мол, тоже метод.

Рубакин насмешливо посмотрел на бизнесмена:

– А что, мысль. Давай закопаем ее в огороде. И ты сразу становишься первым подозреваемым, Леня. А ты в курсе, как менты выбивают показания?

Лелик побледнел и зашарил рукой в поисках кружки.

– А ты не думал, что если она причастна к исчезновению нашего друга, то в этой истории не на первых ролях, – продолжил Рубакин. – И за ней кто-то стоит гораздо более серьезный, который пришлет тебе ответку.

– Кто пришлет?

– Кто решил отжать бизнес, активы, клиентов, да что угодно.

– Ну, у нас много партнеров и конкурентов, – обескураженно произнес Лелик. – Но все они с виду вполне приличные люди.

– Ох, святая простота. Как ты дела ведешь, Леня? Есть множество людей, кто заинтересован в смерти Гольдина.

– Даже так? И ты все знаешь и молчишь.

– Если бы я все знал. Кому-то не поздоровилось бы. – Рубакин мрачно посмотрел на присутствующих, и кое-кто нервно отвел взгляд.

Глава 6

– Это что, полиция? – вздохнул Капанадзе, озирая кабинет и присутствовавших в нем сотрудников. – Это международная лига аутистов.

За три дня отгулов, от щедрот кинутых начальством после успеха очередного внедрения, он отоспался, потом слегка загулял с друзьями, снова отоспался. И теперь новым взором окинул столь привычный кабинет.

Всегда возвращаясь после странствий и отлучек в родное подразделение и окидывая его свежим взором, он не переставал удивляться тому, что представало перед ним. Бравое отделение убойного отдела, сливки, так сказать, криминальной полиции, выглядело феерично.

Действительно, все как аутисты были погружены в свой богатый внутренний мир.

Худосочный очкастый Айфоныч, что-то нашептывая себе под нос, возился с планшетником и даже не обратил внимания на начальника – ему все было сугубо до фонаря и лампочки в придачу. Похожий на одесского биндюжника румяный и высокий Йог медитировал, тупо глядя в одну точку, а может, и придурился – кажется, это одно и то же. Стройная, как тополь, натурально блондинистая Принцесса, сонно позевывая, красила ногти лаком с таким ядовитым запахом, как от аварийного химкомбината, и, похоже, вспоминала очередную экскурсию по ночным клубам, которые она знала как свои пять пальцев.

Отделение у Капанадзе было, можно сказать, экспериментальное. За какие-то грехи, ведомые лишь руководству, ему дали в подчинение толпу детишек важных родителей. У Йога папаша генерал, руководитель одного ГУВД на юге страны. У Айфоныча родословная включает длинную череду сотрудников госбезопасности, но в чекисты он сам идти наотрез отказался, занесла его нелегкая в полицию – сначала в информцентр, а потом в МУР. У Принцессы папаша вообще депутат, и все ее окружение – это суровое московское гламурье.

– За что ты меня так, Николаич? – спросил Капанадзе у начальника убойного отдела после того, как ознакомился со своим воинством.

– Сережа, толку с них все равно никакого нигде не будет. А ты показатели и в одиночку вытянешь, я в тебя верю. Ну, будут они у тебя на побегушках. Пора тебе кем-то руководить. Не век же в операх ходить будешь.

– Ты не начальник убойного цеха. Ты сам убийца, – вздохнул Капанадзе.

И после этого погрузился в атмосферу легкого безумия и сюрреализма. Потому что компания вся оказалась не просто из блатных, а со странностями.

Но что удивительно, ему быстро удалось их заставить работать, притом порой достаточно эффективно. Кроме того, через некоторое время он понял, что эта компания ему по душе. От подчиненных исходил какой-то бесшабашный задор, не проходило ощущение вечной буффонады. Если разобраться, вся жизнь – театр, а жизнь в полиции – цирк, так что ребята вполне вписались.

Принцесса первая отреагировала на появление Капанадзе и даже оторвалась от стула со словами:

– Здравия желаю, товарищ подполковник.

Она была единственный член коллектива, который не чурался устава. Похоже, это у нее игра такая. И в детстве она играла не в куклы, а в солдатики.

– Эх, сатириков на вас нет, – посетовал Капанадзе, присаживаясь за свой самый просторный, как положено начальнику, и самый пустой стол у окна. – Жванецкий нервно курит в сторонке.

– А, привет, шеф, – проснулся Йог.

– Здравствуйте. – Айфоныч тоже вынырнул из Интернета и ошарашенно глядел на начальство. Покраснел – он всегда краснел, где надо и где не надо. – Извините.

– Работать будем? – спросил Капанадзе.

– Конечно. – Принцесса воодушевилась. – Когда возьмете на задержание?

Это у нее была такая идея фикс. Хотя папа депутат запретил давать ей держать что-то тяжелее карандаша для ресниц и выходить дальше КПП в рабочий день, внутри Принцессы кипела нерастратенная атомная энергия, толкавшая ее на подвиги и разрушения.

– Сначала найдите, кого задерживать, – сказал Капанадзе. – Смотрю, тут без меня какая-то расслабуха.

– Не, мы работаем. Вон бумаг сколько. – Принцесса поднесла ему папку с документами и положила на стол.

– Эх, тяжела доля каторжанская. – С этими словами Капанадзе принялся разгребать ненавистные бумаги.

Жалоба – одна штука. Айфонычу ее – пусть поработает. Сводки происшествий – одно убийство в Выхино поставлено на контроль. Капанадзе слышал о нем, там подозреваемые есть, остается только задержать, для чего необходимо попинать местных оперативников. Пускай этим Йог занимается, у него почему-то разнос нижестоящих подразделений получается на пять баллов, умеет на себя напустить загадочно важный вид, который земельных сотрудников вводит в ступор... Так, методические рекомендации по ведению документации – это пусть Принцесса читает, все равно, кроме нее, в этой канцелярии никто ничего не сечет.

– Сводки телефонных переговоров Гурама получил? – обратился Капанадзе к Йогу.

– Вестимо, – ввернул Йог новое в его лексиконе словечко.

– Что есть там ценного?

– Да треп о погоде, – отмахнулся Йог. – Мне кажется, он знает, что его телефон слушают. Хоть бы один разговор по теме был.

– Значит, у него еще одна мобила должна быть. Встреться с кем-нибудь толковым с Управления специальных технических мероприятий, узнай, могут ли они вычислить другие мобилы, которыми он пользуется.

– Могут они все, если захотят, – сказал Йог. – Им задание нужно.

– Афанасий, что по Текстилям? – обернулся Капанадзе к Айфонычу.

– Возбудили сто пятаю.

– Кто порешил негодяя?

– Да разборка какая-то бомжовая.

– Фигуранты есть?

– Пока нет.

– Контролируй.

Надавав указаний, Капанадзе понял, что отведенные ему на весь рабочий день силы иссякли за десять минут. Ну, кто скажет, как заставить себя работать после удачной реализации и бурного отдыха? А никак!

Больше всего ему хотелось смыться с работы. Но куда? Куда еще смыться оперу? Конечно, на встречу с агентом. На них, незримых борцов, вся надежда... Только завтра придется агентурную записку отписать. И что писать? А, придумаем. Не впервой.

– Так, Родион, – сказал он Йогу. – Мне на встречу надо. Буду к вечеру. Ты за меня.

– Я же в управление спецмероприятий.

– Тогда ты, – обернулся к Принцессе. – Цени доверие.

– Есть.

Капанадзе прикинул, что сейчас рванет в японский ресторан и сегодня вряд ли вернется. За целый рабочий день оставленная на хозяйстве Принцесса, пользуясь служебным положением, проест плешь Айфонычу и заставит его сожрать свой компьютер. И поделом ему.

Оставалось только отпроситься у начальника отдела. Сказать, что отбывает ну просто на очень важную встречу с источником. Начальник сразу поймет, что подчиненному просто хочется смыться. Поймет и простит.

Он уже собрался звонить руководителю, но тот опередил – позвонил сам и вызвал к себе. «Кирдык культпоходу и суши», – подумал Капанадзе.

Полковник Третьяков был подозрительно озадачен, что не то чтобы не к добру, но к большой суете.

– Отошел после скачек своих по лесам Подмосковья? – спросил он, что-то чертя в календаре, лежащем перед ним на начальственном столе.

– Неплохо бы недельку отпуска. А лучше две. За боевые подвиги даже в войну отпуска давали.

– Бог подаст, – отмахнулся от него Третьяков, как от назойливой мухи. – Чай не война, значит, подвиги не засчитываются.

– Я и не сомневался в доброте вашей душевной, господин начальник.

– И правильно. Вот халтурку тебе припас.

– Это как палач приходит домой с мешком – вот взял халтурку на дом.

– Пообщайся с честной самаритянкой. Знойная женщина. Говорит, хочу опера убойного отдела.

– Звучит многообещающе.

– Чтобы поведать ему как на духу информацию по убийству.

– По какому? – оживился Капанадзе. Почувствовав горячую тему, он моментально переключался на нее, напрочь забывая обо всех отвлекающих факторах, в том числе о суши и саке. Охота в жизни – это главное...

– Да коммерса какого-то завалили. Она обещала рассказать, кто именно. Глядишь, глухарь поднимем. Она в бюро пропусков ждет. Фамилия Полубогатова. – Начальник протянул подписанный пропуск.

Вернувшись в кабинет, Капанадзе с трудом, как впиявившегося в ухо клеща, оторвал Айфоныча от планшетника.

– Друг мой Афанасий. Тебе партийное задание. Приведешь сюда одну женщину. И мы решим, что с ней делать.

Опера заинтригованно посмотрели на него.

Айфоныч поправил очки и отправился за дамой.

Через пятнадцать минут в дверном проеме возникла полная, но с ярко выраженными чертами былой красоты, высокая женщина возрастом от сорока пяти до шестидесяти лет – кто их теперь с этой пластической хирургией разберет. Насколько Капанадзе ориентировался в шмотках – облагороженное фитнесом и солярием тело было сплошь завернуто в Гуччи и Версаче, украшено часами «Ролекс» и бриллиантами от Гарри Винстона. По скромным подсчетам шмоток и цацек на ней было тысяч на пятьдесят-сто вечнозеленых американских рублей. Судя по всему, Полубогатова была богата...

Капанадзе кинул своему воинству:

– Покурите пока.

– Курение в здании запрещено, – занудливо и совсем не в тему выдал Айфоныч.

– Ну, напейтесь. Дайте поговорить тет-а-тет.

Братву волной смыло.

– Рассказывайте, – произнес Капанадзе, когда гостя устроилась напротив него на скрипучем стуле – притом с явной опаской – вшей она, что ли, боялась?

– Вы правда можете помочь? – требовательно осведомилась она. От нее веяло властью, уверенностью. Да, дама была с харизмой.

– А как же. Всех негодяев в асфальт закатаем, – привычно откликнулся Капанадзе.

– В асфальт. – Дама прищелкнула пальцами, и в глазах мелькнул злой азартный огонек. –
А это идея...

– Это я фигурально выразился.

– В общем... Она его заказала.

– Кто кого?

– Эта шалава подзаборная заказала Мопса.

– Что?!

– Леву Гольдина заказала. Моего бывшего мужа.

– Интрига присутствует. А теперь подробности в студию.

Глава 7

Клубника призывно нежилась в серебряной вазочке в окружении взбитых сливок и вопила – съешь меня, побольше, сразу, проглоти и не жди. Но именно этого делать было нельзя.

Можно только серебряной ложечкой отщипнуть, положить на язык и жевать минут пять. Потом еще кусочек.

Анна Федоровна, диетолог, чуть ли не по минутам расписала, что можно Маргарите есть, как, когда. Инструкции были длинные, грузили реально сознание, но Гольдиной это даже нравилось. Ее завораживало ощущение надежности такого подхода. Бесспорно, это не очередной развод на деньги богатых придурков, а настоящая наука. Во всяком случае, диетолог утверждала именно так. Правда, ложкой дегтя был недавний скандал, когда, как говаривали злые языки, на ее диете загнулся от истощения и сердечной недостаточности известный телеведущий. Еще поговаривали, что это не первая жертва «черного диетолога», но Маргарита была выше досужих пересудов. Такого просто не может быть. Хотя бы потому, что она сама сбросила по методике диетолога за месяц пять килограммов и чувствовала себя прекрасно. Вот только все время хотелось сожрать жареного цыпленка... Именно цыпленка в чесночном соусе. Лучше целиком. Чтобы хрустела корочка. Чтобы соус был такой остренький... Ой, надо сдерживать свои фантазии. Лишние килограммы – это ужас, беда. Это катастрофа!

В настоящий момент она, как никогда, должна держать себя в форме. Во-первых, она ныне пребывает в новом качестве – почти что вдовы – и должна выглядеть элегантно. Чтобы за спиной шептались – как же она хороша, хоть и несчастна. Во-вторых, у нее теперь любовь. А любовь, как известно, требует жертв, на ее алтарь кинуты и эти лишние килограммы, и истекающий чесночным соусом цыпленок табака.

Отпустив прислугу, Маргарита осталась одна в огромной семикомнатной квартире. Наедине с клубникой со взбитыми сливками.

Взяв вазочку, Маргарита с ногами забралась на огромный, рассчитанный, наверное, на взвод солдат бежевый диван перед двухметровой жидкокристаллической панелью. Потянулась за дистанционным пультом. Сейчас должен начаться сериал «Заклятые подруги». Это ее любимый. Были еще не любимые, которые все равно надо смотреть, ибо они тоже выдавливали слезу. Но это был любимый. Пятидесятая серия про золушку, покоровшую мексиканский город. Такие страсти. И актриса похожа на нее саму. И жизнь похожа. И любовь! Вот только героиня была размазня и всех вокруг жалела. Странная какая-то. Маргарите с детства было известно, что жалеть нельзя никого. Нас бы кто пожалел. Да и нет в жизни людей, которые заслуживают ее жалости. Хотя донна Себастьяна из сериала она бы пожалела, он такой лапочка.

Зажегся экран телевизора. После титров, прокатившихся по экрану в сопровождении бравурной музыки, появилась героиня.

– Нет, Маркос, – печально произнесла она стоящему перед ней на колене мужчине. – Я бы могла тебя простить. Если бы не любила так сильно.

Хорошо сказано, оценила Маргарита. Аж до печенок пробирает.

Героиня телесериала привычно закрутилась в диком водовороте, разрываясь между бизнесом, больными родителями, какими-то бандитами.

Маргарита подумала, что тоже крутится как белка в колесе, ни на что не хватает ни сил, ни времени. Фитнес, диетолог, косметологи – толпы народа вьются вокруг нее. А еще в элитный ночной клуб надо заглянуть, чтобы не отвыкнуть. А еще новая коллекция летней одежды в «Парадизе», девчонки оттуда звонили, ждут ее с нетерпением.

А еще эта любовь у нее!

Ну да ладно, эта вся каторга – дело привычное. Но вот фирма на ее хрупкие плечи легла. До этого Маргарита не особенно задумывалась над тем, откуда берутся деньги. Муж не подпускал ее к делам. А теперь все приходится самой.

Она счастливо улыбнулась, когда вспомнила, какие были лица у Болека и Лелика при ее триумфальном появлении в офисе. Как их чуть кондрат не оприходовал, когда они услышали о новом управляющем. Как грозный Боек перепугался и растекся, как ком грязи, стоило только настоящему мужчине на него цыкнуть. Недолго этим болтунам осталось. Надо подумать, как их вышибить из бизнеса навсегда. Или, может, приспособить к каким-нибудь делам? Все-таки эти насекомые могут быть полезными. Когда денег коснется, будут на задних лапках танцевать вальс.

Она хмыкнула, представив, как имеющий вечно несчастный вид Лелик подпрыгивает по щелчку пальцев и приносит ей тапки в зубах, глядя преданно, как дворняжка.

Эх, поглядим.

А пока у нее сериал.

А потом, часов в девять вечера, ЛЮБОВЬ.

Она томно выгнулась, погружаясь в мечты и ожидания, но тут настырно зазвонил мобильный телефон – тяжелая, как кастет, «Верту» за одиннадцать тысяч евро.

– Але, – томно протянула Маргарита.

– Маргарита Львовна, это Зоя.

– Что тебе? – сквозь зубы процедила Маргарита.

Она сумела выработать этот ледяной тон в общении с прислугой. Чтобы, не дай бог, у этой дворни не возникло мысли, что они хоть в чем-то ей равня. И, надо сказать, действовало. Прислуга ее побаивалась, что являлось предметом ее гордости.

– Можно, я завтра задержусь на час? Мне брата на вокзале встретить надо. Он Москвы не знает.

– На час? – задумчиво протянула. – Ну, задержись, задержись.

Маргарита вложила в эти простые слова как можно больше угрозы. Домработница была иногородней и полностью зависела от своей работодательницы, грех этим не воспользоваться.

– Спасибо, – голос Зои дрогнул.

Боится, маленькая дрянь. И это правильно.

Может, правда выкинуть эту Зою за борт, как ненужный балласт. Надоела. Ее подобрал муж чуть ли не на улице. Может, у них чего-то и было. Не могло не быть. Потому что Лева не пропустил мимо себя ни одну юбку. Потому что он кобель и гад!

Так, решено, эту болонку надо рассчитать!

И Болека, и Лелика, и всю толпу, которая назойливыми мухами вьется вокруг нее. Всех рассчитать, одной остаться...

Зазвонил золотой смартфон «Тонино Ламборджини», который она приобрела по случаю за каких-то семь тысяч долларов. Его номер знаком лишь узкому кругу. Значит, звонят свои.

Маргарита взяла аппарат. Номер абонента не определился. Странно.

– Але-о, – томно протянула она.

– Ну что, цветочек ты ненаглядный, – послышался глухой мужской голос.

– Это кто? – вызывающе произнесла она с металлическими нотками, но внутри у нее все заледенело. Ее уже давно никто не называл так.

– Мужа зарыла и с хахалем новым забавляешься? – Голос был незнакомый, грубый.

– Ты кто? – воскликнула Маргарита. – Чего надо, убогий?

– Неужели ты, черная вдова, всерьез думаешь, что эта мокруха тебе с рук сойдет?

– Что?!

– Все только начинается, Маргарита! Только начинается...

Глава 8

Это была середина девяностых. Капанадзе тогда только пришел в МУР после юрфака МГУ, имея за плечами звание мастера спорта по самбо, а на груди медаль бронзового призера чемпионата России. Сбили тогда его с панталыку товарищи по спорту – мол, без таких, как ты, родина погибнет. Он, идеалист, и поверил. Вот и оказался на службе в угрозыске в самый разгар криминальной революции.

Девяностые – веселые беспечные времена лихих битв, война всех против всех. Кто не служил в ментах или бандитах, тот никогда не поймет по-настоящему, что же тогда творилось. Дикое поле, горы трупов, взрывы, смерть с косою дешевле, чем шалавы по вызову, упакованные бандитами кладбища, растущие как грибы громадные состояния, фирмы-однодневки и финансовые пирамиды – вот такое оно, первоначальное накопление капитала. И вечный раздел криминальных сфер влияния. Сегодня, когда первоначальные капиталы накопились, а сферы влияния утряслись, нет и следа от бывшего накала страстей. Но тогда...

МУР работал в девяностые как «Скорая помощь». Что ни день, так выезд – на стрелки, разборки, захваты. Ни дня без приключений. Стреляли тогда все во всех. Гибли боевые товарищи. Война шла по всей Руси, но битва за Москву, как всегда, была самая ожесточенная.

Капанадзе отлично помнил эту историю. Рассопливившийся, с круглыми глазами от ужаса коммерсант. Его душераздирающий рассказ, как обнаглевшая московская братва вымогает с честного работника биржевых услуг нереальную для него сумму. Помнит все детали подготовки к операции: собрать группу, выписать спецназ, проверить рации, зарядить магазины к компактному пистолету-пулемету «Клин» – лежала у него тогда в сейфе такая любимая игрушка, которой было так сподручно пугать бандитов, считавших этот скоросшиватель свидетельством принадлежности к засекреченным спецслужбам.

Операция прошла как по нотам. При передаче денег шайка вымогателей была задержана в полном составе – пара быков-спортсменов и их ранее судимый главарь. Брали тогда всех жестко, спецназ не упускал случая пересчитать бандитам ребра и уполовинить количество зубов. На войне как на войне. Отрихтованные тяжелыми бутсами бандитские тушки доставили на Петровку. Доказательства вины были налицо. Можно было отдавать задержанных в хоть и потерявшие тогда былую цепкость и силу, но иногда еще шевелящиеся руки правосудия.

– Ну что, на отсидку как на праздник? – осведомился Капанадзе, иронично разглядывая скованного наручниками, сидевшего напротив него предводителя шайки со странной кличкой Кунар.

– Да сажай, опер, твое право. Только знаешь, я по понятиям живу. А по понятиям этот хлыщ – сука конченная.

– Суду объяснишь.

– Ай, да чего кому объяснять. Менты вы и есть менты. Справедливость для вас пустой звук.

Почему-то это задело Капанадзе. И он начал копать эту историю в глубь. И чуток обалдел, когда раскопал все.

Получилась интересная картина. Потерпевший оказался профессиональным мошенником. На протяжении нескольких лет он брал у людей на реализацию товары, финансы под какие-то проекты, да все, что плохо лежало. И тут же забывал о своих партнерах. А когда те в лучших традициях девяностых посылали на разборки братву – иного арбитража в те годы не признавали, он писал заявление и натравливал на кредиторов милицию. В этом ему сильно помогал его приятель – полковник из ГУВД Москвы. В итоге из-под этого мошенника село в тюрьму девять коммерсантов за четыре года! Все по одинаковым обвинениям о вымогательстве.

Капанадзе удалось возбудить дело в отношении лже-потерпевшего. А Григорий Рубакин по кличке Кунар со статьи о вымогательстве прыгнул. Осталось ему самоуправство, но и эта статья тоже была успешно похоронена с божьей помощью да добрым адвокатским словом.

В процессе работы у оперативника и преступного авторитета установились более-менее приличные отношения, какие только возможны у людей, борющихся на противоположных сторонах.

- А почему тебя Кунаром кличут? – как-то спросил Капанадзе.
- Провинция такая есть в Афгане, – сказал Рубакин. – И одноименная речка.
- И что?
- А то, что на ее берегах три года грелся начальник разведки полка капитан Рубакин.
- А дальше?
- А дальше у меня появились две новые дырки и комиссация из армии.
- И в конце восьмидесятых судимость за хулиганство.
- Было дело.

После этого время от времени они встречались. Один раз Кунар сильно помог в запутанной истории с заказным убийством.

И вот теперь, листая привезенное из ОРЧ УВД по ЦАО города Москвы оперативно-поисковое дело (ОПД), заведенное с целью оперативного сопровождения расследования уголовного дела, возбужденного по факту убийства гражданина Гольдина, Капанадзе наткнулся на знакомую фамилию.

ОПД, как и положено, состояло из постановления о заведении, плана оперативно-розыскных мероприятий, такие пишутся под копирку в десятках тысяч дел и выполняются формально, пустых рапортов не пойми о чем, типа «на раскрытие преступления ориентирован состоящий на связи негласный аппарат». Многочисленные запросы в больницы, морги, бюро регистрации несчастных случаев. Основной вес папки приходился на ксерокопии документов из уголовного дела. Там тебе и постановление о возбуждении дела, и заключение судебно-медицинской экспертизы, и допросы, допросы, допросы.

Ничего особенно ценного в этих допросах тоже не было – когда видели пропавшего последний раз, где он может быть, кто может быть причастен к убийству. Так, шелуха. Аккуратно выверенные следователем фразы, чтобы, не дай бог, не записать чего лишнего и не дать возможности руководству начать громоздить разные маловероятные версии, которые потом придется долго и нудно проверять, чтобы в итоге отринуть как бесперспективные.

И во всем этом Капанадзе был вынужден копаться, поскольку контроль за раскрытием этого преступления повесили на него. Недаром начальник убийного отдела, когда просил своего подчиненного просто переговорить с дамой, смотрелся настороженно и подозрительно. Обычно он так выглядит, когда кто-то из руководства высказывает ему просьбы, от которых отказаться нельзя.

На следующий день после разговора с первой женой Гольдина Капанадзе получил прямое указание заняться этим делом, притом в приоритетном порядке, перепоручив остальные дела менее ценным членам коллектива.

Пришлось погружаться в дело с головой. Сейчас была начальная стадия работы – это когда опер смотрит в документы и пытается понять, а как вообще все эти чертовы преступления раскрываются!

Тут тяжелее всего врать в тему, нутром почувствовать ее. Для этого желателен помощник-проводник из окружения жертвы. Поэтому когда среди протоколов Капанадзе увидел допрос Рубакина, то весьма обрадовался. Консультация старого бандита может оказаться очень кстати, если он, конечно, сам не замочил своего приятеля, что теоретически вполне возможно.

Новый контактный телефон Рубакина в протоколе допроса имелся. И Капанадзе решительно нащелкал номер.

- Слушаю, – донесся из трубки густой баритон.
- Я вас категорически приветствую, – произнес Капанадзе.
- Извините, а с кем говорю?
- Кунар, ты старых друзей не узнаешь? Это Капанадзе. С желтого дома на Петровке.
- О, Серега, ты, что ли? – в голосе Кунара появились радостные нотки.
- Я что ли.
- Как у тебя дела? Ты все там же?
- Почти. Теперь в убойном отделе.
- И наверняка по делу звонишь?
- И ты наверняка уже догадался по какому.
- Нетрудно понять.
- Встретимся? Проконсультируешь?
- Чем смогу, помогу, – не раздумывая, согласился Кунар. – Ты же меня знаешь.
- Где встречаемся?
- Можешь подъехать ко мне в офис. Посидим, кофею выпьем.
- Где твоё логово?
- В Москва-Сити.
- Круто обосновался, – оценил Капанадзе.
- Ну так не зря тружусь. Деньги к деньгам.
- Ладно, могу сейчас подъехать.
- Жду...

Капанадзе собрал вещички – а именно: блокнот, борсетку и ключи от машины, напутствовал свое воинство:

– Сидеть тихо, безобразия не нарушать. Настя, с тебя недельный отчет. Родион, ты готовишь справку по телефонным переговорам Гочиладзе. Афанасий, ты просто веди себя достойно. Я на встрече...

До Москва-Сити оказалось добраться не так просто. На набережной «Тойета Камри» прочно застряла в пробке. И Капанадзе минут сорок шалел от вынужденного безделья, выслушивая по авторadio эсэмэски от таких же закупоренных на дорогах водителей:

«Куплю машину поближе к светофору...

Ребята, пошли домой, завтра достоим...

Так и жизнь пройдет...

Как повеситься в машине?..»

«И экономические новости. Нефть марки «Бренд» подешевела за последнюю неделю на пять процентов, что создает проблемы в наполнении бюджета страны... С начала года в боевых действиях в Республике Конго погибло около пятнадцати тысяч человек...»

Но все проходит, в том числе и пробки. Наконец, Капанадзе остановил свою машину у подножия сияющего горного хребта, именуемого Москва-Сити.

Как-то столичному мэру стало обидно – все люди как люди, а в Москве нет приличных небоскребов. Даже плюнуть вниз на людишек неоткуда, чтобы плевком до земли успел набрать сверхзвуковую скорость. Посудили, порядили, выделили бюджет, и началось хождение по мукам. Первый транш украли еще на стадии котлована. Потом пошли бодрые и веселенькие уголовные дела. Потом поджоги строящихся зданий. Но в результате из всего этого пара, дыма, содомии и огня, как птица Феникс, воспрял и навис над Москвой холодным стеклом горный кряж Москва-Сити.

Сейчас его почти достроили, там разместились крутые офисы. Питейные заведения. И лично преуспевающий бизнесмен Григорий Рубакин со своей инвестиционной компанией «Ортодокс». Интересно, чего куда они инвестируют, кроме как в воровской общак и в черную кассу столичной мэрии?

Кунар ждал внизу, около стоянки рядом с Северной башней, вознесшейся на двадцать шесть этажей. За последние годы он почти не постарел, только седины немного прибавилось, да появилась вальяжность истинного хозяина жизни, заменившая волчью цепкость взгляда и резкость движений.

Они приветственно хлопнули друг друга по плечам, выбив пыль из пальто. Прошли через бюро пропусков, где Рубакин только кивнул на ходу «это со мной», чего оказалось достаточно.

Интерьеры в офисном центре внушали уважение. Прозрачные панорамные лифты, атриумы, фонтанчики и бесчисленное количество дверей, за которыми томились орды офисных рабов.

Приятель поднялся в пустующий ресторанчик где-то под крышей, откуда открывался изумительный вид на столицу. Кунара там звали чинно Григорием Павловичем, а он именовал официанток по-простецки – Маша, Оленька, то есть был тут своим человеком.

– Ну, рассказывай, друг мой, кто уделал твоего приятеля, – потребовал Капанадзе, когда официантка ушла за заказом.

– Ха, вопрос интересный. Жаль, пока без ответа, – ответил Кунар.

– Ты его вообще давно знал?

– Даже страшно сказать сколько. Люди столько не живут... Еще с лохматых коммунистических времен.

– На чем сошлись?

– На деньгах. На чем еще можно было сойтись с Мопсом?

Из разговора выяснилось, что Гольдин еще при советах твердо решил посвятить себя, свое здоровье, творческие силы и душевные порывы делу всей своей жизни – заколачиванию денег. В СССР с этим было туговато, излишнее обременение граждан дензнаками не приветствовалось, а ряд способов их зарабатывания не поощрялся, а то и пресекался в уголовном порядке. Но Мопса уже не смущали препятствия на тернистом пути личного обогащения. Как все начинающие бизнесмены, покрывшие неувядаемой славой Россию в девяностые годы и героически приватизировавшие имущество старой империи, начинал он со спекуляции джинсами. А потом нашел себе нишу куда более солидную, но вместе с тем и опасную – стал ломщиком у «Березки». А потом и бригадиром.

«Березка» – одно из специфических явлений социалистической экономики. Валюта в Советском Союзе к обращению была запрещена, но вместе с тем многие граждане работали за границей, зарабатывали там фунты с долларами. Эта валюта по их возвращении менялась на чеки Внешпосылторга. В Москве было несколько магазинов «Березка», где на эти чеки можно было купить совершенно нереальный по тем временам дефицит, начиная от кока-колы, джинсов и жвачек, кончая видиками и автомобилями. Формально по курсу чеки приравнивались к рублям, но на черном рынке стоили гораздо дороже. Около каждой «Березки» слонялись ушлые ребята, предлагавшие на продажу эту эрзац-валюту. При этом различными способами, с ловкостью рук при пересчетах всучивали «куклы» – резаную бумагу с парой чеков для вида, мошенничали, как только могли. Потерпевшие понимали, что сами нарушили закон, потому в милицию обращались редко. Все это приносило приличный доход.

Естественно, нужно было договариваться с милицией и бандитами. На дворе стояли восьмидесятые, и бандиты уже стали входить в силу, заявлять о себе, подгрести под себя теневой бизнес.

Кунар, уволившийся по здоровью из армии, но не растерявший боевых навыков и куража, пристроился на работу в бригаду спортсменов, решавших различные вопросы. В числе прочего бравые парни крышевали ломщиков у одного из валютных магазинов сети «Березка».

Потом Кунар сел по статье о хулиганстве за участие в одной из эпических битв с конкурентами. Мопс тоже чуть не сел за валютные операции и смылся из Москвы куда-то на север. И встретились они снова в Москве девяностых.

– Были тогда делишки у нас общие, не скрою, – поведал Кунар. – Мне кажется, тебе их знать не обязательно.

– А потом? – спросил Капанадзе.

– Потом у Мопса появилась небольшая империя. Акции, несколько фирм, недвижимость в Москве, на Ямале и в Питере.

– Много всего?

– Миллионов двести бакинских, по моим скромным подсчетам. Может, больше. Мопс умел скрывать свои финансовые возможности. Вообще он фигурой стал. Расчетливый, умный, он всегда просчитывал все риски. И упорно шел в гору. Только у него была одна ахиллесова пята.

– Какая?

– Бабы. Он просто дурел с них. И умудрялся влипнуть в бесконечные истории. И в женитьбы.

– Кому выгодно его смерть?

– Три варианта. Конкуренты или партнеры по бизнесу. Старая жена. И новая жена.

– Есть смысл его убивать?

– Смысл один – деньги. Кроме них, смысла сейчас в жизни нет... Ну с конкурентами и партнерами все ясно – перевести на себя денежные потоки. Первая жена Танюша Полубогатов. У них странные отношения – то неразлейвода, то собачились, как бультерьеры, и тогда Мопс развлекался тем, что переписывал завещание и лишал всех наследства, в том числе своего сына, которому сейчас уже двадцать пять. Новая жена Маргарита – время от времени он тоже с ней разругивался вдрызг и обещал дать от ворот поворот, в результате чего она останется на мели. А лишит ее бутиков, элитных отелей и драгоценностей равносильно тому, чтобы глубоководную рыбу выкинуть на берег. Без гламура она просто не сможет дышать.

– А что касается его финансовых дел?

– Ну, этого в двух словах не расскажешь. И обо всех делах знал только он сам. Я тебе кое-какую аналитику дам. Особенно по конкурентам...

– Сильно облегчишь мне жизнь.

– Да не вопрос... Есть еще один интересный нюанс. У Мопса была заначка. В сейфе на работе саквояж стоял – там элитные драгоценности были и несколько предметов антиквариата типа портсигара Фаберже стоимостью четыреста тысяч долларов.

– И где теперь это богатство?

– А нет его. Сейф на работе комиссионно вскрыли, пришлось вызывать мастера из фирмы, потому что ключей не нашли. Вещей там нет.

– Жена могла увести?

– Маргарита? Не знаю. Кто угодно мог, у кого был допуск к сейфу.

– Уже интересно. Список?

– Ну, там две хлебниковские иконы, притом одна из них не меньше двух сотен тысяч долларов весит. Кое-какой Фаберже. Еще мелочевка. Я тебе список приготовил. – Кунар протянул флешку. – Пользуйся.

– То есть не только грохнули, но и ограбили.

– Да. Ляма на два-три зелени этот антиквариат потянет. Но что интересно – формально это не было собственностью Мопса. Принадлежало антикварному магазину на Пречистенке, где у него доля.

– Все интереснее. А чего следователю не сказал?

– Ты бы видел этого следователя. Мне нужен человек, который бы все это раскрутил.
А там детский сад.

– Ясно с тобой все... А сам-то он не проявлял беспокойства в последнее время?

– Проявлял.

– Были причины?

– Были.

– Григорий, ну что я тебя за язык тяну?

Кунар посмотрел в чашку кофе, выискивая узоры в кофейной гуще. И буднично сообщил:

– На него уже было покушение.

– Что?!

– Месяц назад.

– В деле ничего нет.

– Он не заявлял в полицию.

– И как теперь обстоятельства узнать?

– С водителем надо переговорить. Он его спас.

Глава 9

Интерьер ресторана «Тургенев», расположившегося прямо в здании Концертного зала имени Чайковского, был посвящен визиту великого русского писателя в Грузию. Кухня там была грузинская. Цены приличные. Обстановка – атмосферно богемная. Мол, тут не только набиваешь утробу, а еще и приобщаешься к вечным ценностям русской культуры. Тем более рядом, на выходе, в холле концертного зала, фланировала публика при смокингах, вечерних платьях и бриллиантах, томно расписывая друг другу преимущества скрипичной игры Дмитрия Когана над Владимиром Спиваковым. Близость прекрасного, слава богу, не интимная, возвышает даже закоренелых барыг, таких, как Лелик и Болек. Они, как и положено в пятницу, решили упиться до неприличия в каком-нибудь приличном заведении, и выбор пал именно на этот ресторан.

Лелик был один-одинешенек и прилежно налегал на коньяк и шашлыки. Любвеобильный Болек привел очередную пассию, прикупленную по случаю на очередной сезонной распродаже под названием конкурс красоты, и налегали они больше друг на друга.

Красотуля пыталась кормить Болека красной икрой с ложечки, загадочно похохатывала, чесала своему возлюбленному подбородок и бороду. Лелика это злило. Ему, может, тоже хотелось, чтобы его щекотали под подбородком, но останавливало многое. Наличие ревнивой жены – ну то еще фиг бы с ней, можно пережить. Больше смущал пример друга, у которого уже третью неделю новая любовница высасывала из кармана деньги с мощностью элитного пылесоса. Поэтому Болек просто продолжал уничтожать коньяк в бесплодном ожидании, что вот-вот ему будет хорошо.

Но хорошо все не становилось. Ведь всей тяжести свалившихся проблем вполне могли не выдержать его жирные, но все-таки такие хрупкие плечи.

– Борюсик, мы с каждым днем теряем бабки, – не выдержал Лелик и завел ставшую уже привычной тоскливую песню. – Пока эта тварь лезет в дела, добра не жди. Сколько она уже контрактов загубила?

– Три, – буркнул Болек, отводя пальцем ото рта ложку с красной икрой, которую Красотуля настырно пыталась ему скормить.

– И она пообещала провести независимый аудит, – гробовым голосом объявил Лелик.

– Да этот Вован придумал скорее всего. Это животное. – Болека перекосило при воспоминании об отморозенном здоровенном хаме, которого Маргарита усадила на офис. Как все мелкие самцы, Болек воспринимал мускулистые туши угрозой своей физической целостности.

– Да у него одна извилина, – возразил Лелик. – Он и правда просто тупое животное. Им кто-то хорошо управляет.

– Кто?

– А мало ли кто на наш каравай рот разевает.

– Может, на Маргариту кто-то из наших конкурентов вышел?

– После того как она мужа завалила, – кивнул Лелик.

– Ты веришь, что она его завалила?

– Верю.

– А я что-то не очень, – неожиданно признался Болек.

– Почему?

– Потому что она шлюха. И тупая, как пробка.

Увлечшись, они забыли о Красотуле, которая так заслушалась, что от азарта умяла аж целую порцию осетрины, забыв напрочь о диете.

– О чем это вы, ребята? – не выдержав, кокетливо осведомилась она.

– Да так, о своем, – отозвался Лелик, снова потянувшись за коньяком.

- Ну хочу, хочу, хочу знать, – заныла донельзя заинтригованная Красотуля.
 - У нас погиб компаньон, – пояснил Болек.
 - Как?
 - Жена его убила, – встрял Лелик.
 - За что?
 - За деньги. За большие деньги.
 - Ужассс, – протянула Красотуля, и Лелик подозрительно посмотрел на нее, потому что в ее голосе слышалось не столько возмущение, сколько зависть.
 - И что, прям так взяла и убила? – не отставала девушка.
 - Ну не сама ему горло резала, – пожал плечами Лелик. – Заказала скорее всего.
 - Ужа-а-ассс, – протянула почти с восторгом Красотуля. – И чего, вот точно взяла и заказала?
 - Полиция такие версии строит, – сказал Болек. – Не факт, что это она.
 - А что, еще кто-то мог его заказать? – Глаза Красотули расширились от любопытства.
 - Мог, – кивнул Болек.
 - А кто?
 - Да хотя бы мы, – демонически хохотнул Болек.
- Красотуля испуганно отодвинулась от него.
- Шутит он так. Шутник. – Лелик угрюмо уставился на своего друга.
- Тот только пожал плечами.
- Лелик встал и, покачиваясь, направился в сторону туалетной комнаты, ощущая, что уже прилично набрался, и мечтая набраться еще приличнее. Или неприличнее.
- Он провел рукой по жидким волосам – остаткам былой роскоши. Обогнул один столик. Другой. Едва не снес третий, пробормотав «миль пардон». И застыл как вкопанный.
- Сначала он решил, что ему привиделось спяну. А потом прошептал под нос что-то вроде «да развидят это мои очи».
- В нише уютно располагался круглый просторный стол, за которым вкушали трапезу Маргарита Гольдина и Владимир Лысоконь.
- Они сидели на диванчике друг рядом с другом, и по их позам можно было различить, что рука Вована шарит где-то в области женского колена.
- Ничего не стесняется, вдовушка, – прошептал пораженный Лелик.
- Маргарита заметила его и строго выпрямилась, как снежная королева на троне.
- Вован бросил в его сторону озлобленный взор. И Лелик поспешил ретироваться, шепча под нос:
- Шалава, вот шалава...

Глава 10

– Во, чего пишут. – Айфоныч ткнул в айпад и с чувством процитировал: – Мир находится на грани невиданного экономического кризиса, куда более серьезного, чем Великая депрессия. Самый большой удар будет нанесен по так называемой инновационной экономике, надутым секторам, включающим производство программного обеспечения, различных гаджетов.

– Да, брателло, не видать тебе нового айпада, – хмыкнул Йог.

– Афоня, как же ты это переживешь? – всплеснула руками Принцесса. – Ты ж засохнешь, как цветок в пустыне.

– А чего вы лыбьтесь? Вам нравится в каменном веке при лучине? Вы вообще пещерные люди, вам чужды достижения цивилизации.

– Чего ты суетишься? – осуждающе произнес Йог. – Вся наша жизнь игра.

– Компьютерная, – поддакнул Айфоныч.

– Сам ты компьютерный. Вот что было до того, как ты появился на свет?

– Все было, – буркнул Айфоныч. – Кроме меня.

– Душой прикинь, а не разумом. И поймешь, что такого быть не может. Мы – это весь мир. Всегда были, есть и будем. Переходим из жизни в жизнь, чтобы принять участие в бесконечной игре.

– Харе кришна, – взметнул руку в нацистском приветствии Айфоныч.

– Вот тебе и харя, – снисходительно, как мудрец ребенку, произнес Йог. – Это все данность. Как восход солнца. Имеющий глаза видит.

– Обоснуй, как уголовники говорят, – потребовал Айфоныч.

– Да элементарно. Ты слышал, память гипнотизеры о прошлых жизнях восстанавливают?

– Я много чего слышал. А ты пробовал?

– Не пробовал.

– Ну а чего тогда без толку трындеть?

– А поспорим, что попробую и все подтвердится?

– А поспорим! – азартно воскликнул Айфоныч.

– На «Хеннесси»?

– На «Хеннесси».

– Разбей, – потянули руки к Принцессе.

– Ну, идиоты, конкретно, – с этими словами она разбила руки.

– Господи, где ты, карательная психиатрия? – покачал головой Капанадзе, зашедший в кабинет в разгар диспута и любовавшийся со стороны этой сценой.

Айфоныч густо покраснел, а Йог сделал вид, что печатает постановление о ходатайстве перед судом о производстве ОРМ «Снятие информации с технических каналов связи». Типа, человек работает, а вы со своей карательной психиатрией.

– Настя, тебе партийное задание особой важности. На проходной ждет мужчина. Вернигора – это фамилия его. Приведи сюда. – Капанадзе протянул Принцессе заполненный бланк заявки на проход в здание.

– Есть, шеф. – Принцесса схватила пропуск и деловито осведомилась: – А кто это?

– Водитель Мопса.

– Может, он его и того, бритвой по горлу, – воодушевилась Принцесса.

– Попридержи коней, Настена, – хмыкнул Капанадзе.

– Поняла.

– Он придет, вы валите из кабинета без разговоров.

Вскоре Принцесса гордо вплыла в кабинет в сопровождении здоровенного, двухметрового, красномордого дылды лет сорока пяти в беденьком, но чистеньком коричневом костюме и белой рубашке с синим галстуком.

– З-здравствуйте, – икнув, произнес он.

Капанадзе представился в ответ, щелкнул пальцами, и братва разбрелась кто куда.

– Присаживайтесь.

Вернигора уселся на краешек стула и выпрямился так, будто кол проглотил.

– Вернигора Алексей Онуфриевич, так? – осведомился Капанадзе.

– Так точно. – Посетитель извлек из нагрудного кармана и протянул паспорт в целлофановой обертке.

– Вы водителем были у Льва Гольдина?

– Так точно, товарищ подполковник. – Посетитель был скован донельзя, а глаза у него были настороженно-запуганные.

– Где служил? – осведомился Капанадзе, возвращая посетителю паспорт.

– В псковской дивизии ВДВ. Инструктор по парашютным прыжкам.

– Прапорщик?

– Так точно.

– Расслабься, десант. Чего напрягся?

– Ну так... – Посетитель замялся.

– Нимфа, которая тебя встречала, наговорила, что тебя здесь расстреляют?

У Принцессы был грешок – доводить посетителей до белого каления.

– Нет. Но...

– Расслабься, прапорщик. – Капанадзе вытащил сигареты из стола: – Куришь?

– Немножко. Если разрешите.

– Так, давай на ты, я даже немного младше по возрасту.

– Как скажете.

Они закурили, в кабинете, что по нынешним временам приравнивается к мздоимству и убийству задержанных. Последние годы в МВД были изданы самые суровые приказы о жесточайшем пресечении фактов курения в местах, не отведенных для этого пагубного занятия. После чего зачастили комиссии, которые ходили по кабинетам и принимались – а вдруг какой-то негодяй и конченый для социума субъект в коварстве своем беспредельном тайно засмолил на рабочем месте поганую сигарету. На Петровке для курения отвели одно место, да и то на улице. И никого не волнует, что для установления психологического контакта с допрашиваемым иной раз одна сигарета лучше, чем неделя увещаний и угроз.

Так что Капанадзе совершил тяжкое преступление – закурил в рабочем кабинете. Притом с отягчающими обстоятельствами – дал закурить гражданскому лицу, тем самым подвергнув его риску рака легких и безвременной кончины.

Прием сработал – посетитель немножко расслабился. И в его движениях, тоне голоса начала проступать деревенская обстоятельность.

– Бояться тебе тут нечего, – вещал Капанадзе. – А вот мы в твоей помощи нуждаемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.